

Ветеран снова заговорил, указав на мост:

— Вот, это тоже принесла саламандра. Саламандра сражалась с водяным чудовищем, пронеслась по небу, и появился этот мост. Сильный ветер и дождь поднимают огромные волны, но на этом мосту можно чувствовать себя в безопасности. Несмотря на то что он деревянный, обезьяны здесь использовали какую-то краску, которая защищает его от гниения и разрушения на протяжении десятилетий.

Погода здесь меняется быстро и резко. Если кто-то опаздывает на рынок и не успевает вернуться домой, внезапный ливень заставляет искать укрытие на этом мосту.

После того как брата Цуна схватили, он тоже видел такой мост через окно.

В горах Кушань есть четыре таких моста, каждый расположен на одной из сторон гор. Брат Цун был уверен, что находится близко к границе, но к какой именно — северной, южной, восточной или западной — он не знал.

Сейчас, глядя наружу, он ничего не мог разглядеть.

Снаружи по-прежнему стоял густой туман, и вдалеке, казалось, можно было увидеть яркое пламя, весело пляшущее в воздухе.

Саламандра прекрасна, но в конечном итоге её провожают огнём. Ветеран рассказал брату Цуну, что когда они начинают бить в гонги и зажигать огромный костер, это означает:

— Они проводят кровавое жертвоприношение, сжигая и принося жертвы. Кровь призывает благословение предков, и следующий год будет урожайным и благополучным.

Брат Цун почувствовал холод, его руки, держащие чашу, слегка дрожали. Неизвестно, было ли это из-за холодной воды, но холод поднимался по позвоночнику, заставляя зубы стучать друг о друга.

Неизвестно, сколько времени прошло, но когда комната наполнилась дымом, дверь наконец открылась.

Оказалось, что это действительно была граница. Обезьяны Кушань могли добежать до границы, проверить свои догадки и вернуться обратно в два-три раза быстрее обычного солдата, быстро подтверждая предположения брата Цуна.

Однако, выпив несколько глотков воды, брат Цун успокоился. Всего за час с небольшим он уже придумал новую ложь.

Он мог сказать, что войска переместились и, увидев такой большой огонь, они, вероятно, не знали, что происходит. Звуки петард и выстрелов были так похожи, что укрыться было вполне естественно.

К сожалению, человек, который всё это время курил, не дал ему говорить. Подчинённый вошёл и шепнул ему что-то на ухо, после чего он резко встал с места и, не дав брату Цуну заговорить, ударил его по лицу.

Брат Цун упал на пол вместе с чашей, и его сознание помутнело.

Перед тем как потерять сознание, он услышал, как кто-то рядом плюнул на него и грубо

выругался на местном диалекте.

Он не разобрал всех слов, но понял, что тот сказал:

— А-Да, отруби что-нибудь, похоже, без этого он не заговорит.

А-Да.

Брат Цун мысленно повторил это имя, пытаясь вспомнить лицо этого человека.

Похоже, тот, кого начальство так и не смогло увидеть, теперь стоял перед ним.

На этот раз брат Цун пролежал без сознания долго. Когда он очнулся, наручники и кандалы всё ещё были на нём, но его не привязали обратно к столбу, а бросили в углу камеры. Он огляделся, но так и не увидел А-Яня. Холод снова охватил его сердце, и его конечности задрожали.

Его одежда была испачкана слоями крови, а холод и боль делали любое движение мучительным. Поэтому он просто лежал, глядя на грязное окно, надеясь, что кто-то пройдёт мимо, чтобы он мог почувствовать, что ещё жив.

Он пытался вспомнить лицо А-Да, но, похоже, избиение было настолько сильным, что он мог вспомнить только изогнутую саблю и меховую одежду.

Он был раздражён своей беспомощностью и суровостью реальности. Но он даже не мог заплакать — холодный ветер, проникающий через щели в окне и двери, высушивал его слёзы, не давая им образоваться.

Неизвестно, сколько времени он провёл в этом полубессознательном состоянии, но вдруг он услышал слабый звук. Звук приближался от двери, раздавался скрип, и дверь закрылась.

Брат Цун вздрогнул и широко открыл глаза.

В камере не было света, только слабый лунный свет проникал извне.

В этом тусклом свете он увидел человека в соломенной шляпе, который сидел рядом с А-Да в тот день, когда его впервые схватили в горах.

Он не мог разглядеть лицо этого человека, но увидел, как тот поставил перед ним чашу с водой и две лепёшки, говоря на стандартном языке, совершенно отличном от диалекта людей Кушань:

— Ешь быстрее.

Брат Цун был слишком слаб, чтобы двигаться, и, хотя его заинтересовал акцент, он не стал ничего делать. Убедившись, что этот человек не собирается его пытаться, он закрыл глаза и снова прислонил голову к кирпичной стене.

Однако человек не ушёл. Подумав, что брат Цун не услышал, он потянул его за руку и снова сказал:

— Эй, ешь быстрее. Если А-Да придёт на обход, ты вообще не успеешь поесть.

Брат Цун взглянул на него, но всё равно не смог разглядеть лицо. Однако этот голос пробудил

в его памяти что-то знакомое. Он как будто слышал его раньше, но прошло так много времени, что он не мог вспомнить.

Он попытался сесть прямо, но быстро сдался. Любое движение вызывало острую боль во всём теле, словно его кололи иглами.

Человек, видимо, заметил, что он не может двигаться, и, немного подумав, поставил воду и лепёшки, а затем помог ему сесть.

В тот момент, когда он наклонился и поднял голову, брат Цун наконец увидел лицо этого человека вблизи.

У него была густая щетина, словно он давно не брился. Его кожа была грубой и покрыта трещинами. Хотя его кожа немного потемнела, цвет кожи, видимый под одеждой и шляпой, напомнил брату Цуну — это не человек Кушань.

Судя по акценту, брат Цун решил, что этот человек, вероятно, родом из тех же мест, что и он. Поэтому он ещё раз взглянул на него, и этот взгляд заставил его замереть, а воспоминания хлынули потоком.

— Двоюродный брат?! — вырвалось у брата Цуна.

Рука, поддерживающая его, на мгновение застыла, но человек не ответил, опустил голову, помог брату Цуну сесть и попытался уйти.

Брат Цун не мог сдержаться и снова закричал:

— Ты... ты двоюродный брат?!

Этот крик был слишком громким для маленькой камеры. Человек быстро обернулся, прижал палец к губам и жестом попросил замолчать.

Теперь брат Цун был уверен в своих догадках, но, прежде чем он успел что-то сказать, человек быстро закрыл ему рот рукой. Из-под соломенной шляпы на него смотрели мутные глаза, полные гнева.

Брат Цун замер, и они так простояли несколько секунд, пока человек не убедился, что брат Цун не будет кричать, и медленно отпустил его. Он подошёл к окну, взглянул наружу и снова вернулся к брату Цуну.

— Ты не умер? — брат Цун всё ещё не мог прийти в себя от шока.

В тот момент он подумал, что это галлюцинация, возможно, предсмертное видение. Ведь его двоюродный брат не выходил на связь уже почти пять лет, и все думали, что он погиб. Но теперь он вдруг появился перед ним в облике человека Кушань, принеся чашу воды и две лепёшки.

Но человек глубоко вздохнул, сел и сжал руку брата Цуна.

Это прикосновение вернуло его к реальности, а затем он снова осознал, что ему не повезло умереть, и он всё ещё находился в этой холодной и тёмной камере.

— Не говори, — прошептал человек, опустив голос. — Не подводи меня. Мы не знакомы.

Вспоминая это, брат Цун смог сложить воедино картину происходящего.

Теперь он был уверен, что человек, который принёс ему воду и лепёшки той ночью, действительно был его двоюродным братом. Если бы это был не его родственник, он бы не попал в такую беду.

Он был солдатом, а его двоюродный брат стал одним из этих людей. Если он сказал, что они не знакомы, значит, здесь никто не знал, что он когда-то был солдатом.

Оставляя в стороне вопрос о том, как его двоюродный брат устроился здесь, по крайней мере, он мог заступиться за него перед А-Да, спасти его жизнь под видом земляка. Однако брат Цун не ожидал, что цена его спасения окажется настолько странной.

Сейчас он лежал в отчаянии на кровати, а А-Да уже разделся и забрался на неё.

Руки А-Да были мускулистыми, и в слабом свете свечи его кожа казалась блестящей. Он, как будто готовясь к забою животного, погладил волосы брата Цуна, а другой рукой оперся на постель, внимательно разглядывая его лицо.

Брат Цун почувствовал ужас, его тело покрылось холодным потом, сердце сжалось, а ум стал пустым.

Его руки и ноги всё ещё были скованы цепями, и, видимо, зная, что он может сопротивляться, А-Да даже аккуратно прижал его ногу коленом.

<http://bllate.org/book/16300/1470083>